

Николай Карташов

Николай Карташов
ПРАВДА
*о настоящем
человеке*

АЛЕКСЕЙ МАРЕСЬЕВ

молодая гвардия

Николай Карташов — известный прозаик, публицист, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в области литературы и искусства. В серии «ЖЗЛ» ранее вышли его книги «Станкевич», «Крамской», «Ватутин».

Имя летчика-истребителя А. П. Маресьева вошло в книги, кинофильмы и школьные учебники, как имя человека нестигаемой воли и величайшего мужества, отваги и героизма. Кто знает, выстоял бы Советский Союз в той страшной и кровавой войне, если бы не было таких настоящих патриотов Отечества, как А. П. Маресьев. В послевоенные и последующие годы на примере его яркого подвига были воспитаны тысячи героев, он вселил веру и вернул надежду великому множеству людей, оказавшихся по тем или иным причинам в трудных жизненных ситуациях. Эта книга — единственная на сегодняшний день полная биография легендарного летчика, человека-легенды. Она написана на основе воспоминаний как самого А. П. Маресьева, так и воспоминаний его земляков, однокашников, однополчан,

военачальников, коллег по работе и т. д. Органично вплетены в канву повествования и впервые представлены читателю материалы, которые автор разыскал в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политической истории.

Глава 1

МЕЧТА О НЕБЕ

Никогда и нигде я не видел такого неба, такой чистой и голубой лазури, как в Камышине. Как захотелось мне тогда летать...

А. П. Маресьев

В один из теплых летних дней 1929 года безмятежную тишину небольшого приволжского городка Камышина и его окрестностей нарушил непонятный назойливый гул, вязко тянувшийся из-за Волги. Однако по мере приближения к городу гул перешел в трескучий рокот. Первыми на непонятный звук отреагировали мальчишки, купавшиеся в реке.

—Аэроплан! Пацаны, смотрите, аэроплан! — радостно закричал

черновоолосый широколицый мальчишка лет четырнадцати, внешне похожий чем-то на китайца.

Он быстро вылез из воды и проворно вскарабкался на крутой берег, чтобы лучше рассмотреть самолет. Это был Алексей Маресьев. Его примеру тут же последовали сразу несколько ребят. Дружно, как по команде, задрав головы, они заворожено устремили взоры к небу, под голубым куполом которого совсем низко летел самолет. Сотни чаек, тревожно крича, кружили над двукрылой краснозвездной машиной. Аэроплан летел настолько невысоко, что даже без бинокля можно было разглядеть в кабине пилота в шлемофоне и больших очках.

— Ух! Как здорово!.. — раздавались восторженные голоса.

Но небесное представление продолжалось недолго. Самолет, под разноголосый и отчаянный хор птиц, протарахтев над Волгой, взял курс в сторону Сталинграда (*До 1925 года город носил название Царицын, а с 1961 года — Волгоград.*). Ребята же, забыв окупании, ни через час, ни через два не могли прийти в себя. Впечатлений было через край. Какое-то новое, захватывающее чувство овладело ими. Еще бы! До недавнего времени они видели аэропланы только лишь на фотографиях в газетах и журналах, а тут довелось лицезреть самолет вживую. Удалось рассмотреть даже летчика, который приветливо помахал им рукой...

На следующий день разговор об аэропланах, о людях, которые ими управляют, вновь возник в ребячьем кругу. Толковали о том, как бы посидеть в кабине самолета, а еще бы лучше — подняться на крылатой машине под облака и обозреть землю с высоты птичьего полета.

— Пойду учиться на летчика! — неожиданно для всех заявил Алексей Маресьев. — Не поверите, ребята, ночь не спал, все думал о самолетах...

— Ты это, Леха, серьезно говоришь или шутишь? — спросил его кто-то из друзей. — Тебя же по здоровью комиссия забракует. Разве не знаешь, что в авиацию крепких ребят берут?

— Знаю! Все равно своего добьюсь! Вот увидите! — упругим голосом, крепко сжав кулаки, сказал он.

Действительно, у Алексея не все было ладно со здоровьем. В раннем детстве он переболел очень тяжелой формой малярии. И с тех пор страшно маялся от последствий этой страшной инфекционной болезни: сильно болели суставы, тело хватало дикие судороги. Малярия оставила недобрый след и на лице, сделав его, как уже сказано, похожим на китайца.

Случалось, что болезнь особенно жестоко поступала с Алексеем.

Несколько раз одноклассники приносили его на руках из школы домой, так как ноги не могли идти... Мать, всхлипывая, сразу накладывала сыну компрессы из лопуха или листьев березы. Народные средства помогали, недуги на некоторое время отступали, а затем опять давали о себе знать. Соседи Маресьевых, видя страдания мальчика, между собой украдкой перешептывались:

— Ленька совсем заплохел, долго не протянет...

Поэтому решение Алексея пойти учиться на летчика не получило ни у друзей, ни у родных одобрения и поддержки. Однако надо было знать норовистый характер Маресьева. Если уж он что-то задумал, то не остановится ни перед чем, обязательно достигнет поставленной цели. Как будет идти к исполнению заветной мечты будущий прославленный летчик — рассказ впереди. А пока обратимся к истокам его биографии.

Официально считается, что Алексей Петрович Маресьев родился 20 мая 1916 года в уездном городе Саратовской губернии* — Камышине. Название этого города фигурирует во всех без исключения советских и российских энциклопедиях, справочниках, документальной и художественной литературе, где идет речь о биографии Маресьева. Вот строки из Большой советской энциклопедии: «МАРЕСЬЕВ Алексей Петрович [р. 7(20).5.1916, Камышин], советский летчик, майор, Герой Сов. Союза (24.8.1943). Чл. КПСС с 1944». Аналогичный текст помещен в Кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза»: «МАРЕСЬЕВ Алексей Петрович, род. 20.05.1916 в г. Камышин, ныне Волгоградская обл. в семье рабочего. Русский».

«Городок, в котором я родился, Камышин, был маленький, тихий и зеленый, — писал впоследствии в своих воспоминаниях Маресьев. — Главным его украшением и главной радостью камышинских мальчишек была Волга. На Волге можно было пробыть с раннего утра и до позднего вечера и не соскучиться».

Дата рождения Маресьева — 20 мая 1916 года, как мы видим, также не вызывала сомнений у составителей справочно-энциклопедических изданий. Ее Алексей Петрович указывал в большинстве автобиографий и анкет, коих ему за долгую жизнь пришлось составить и заполнить огромное количество.

Между тем ни место, ни дата рождения нашего героя не совпадают с данными документов, которые были не так давно обнаружены. Так, в метрической книге Свято-Троицкой церкви города Камышина за №40 от

25 мая 1916 года засвидетельствовано, что Алексей Маресьев «рожден 16 мая** у Петра Авдеевича сына Маресьева и жены его Екатерины Никитичны на хуторе Веревкин Верхне-Добринской волости Камышинского уезда Саратовской губернии». В этой церкви его, младенца, как и полагается, крестили в купели. Запись в метрической книге — единственный документ, где указано первоначальное место рождения Маресьева. В дальнейшем местом его рождения везде стал писаться Камышин.

* С 12 июля 1928 года уезд был преобразован в район, который в 1934 году был передан в состав Сталинградского края, в 1936 году — Сталинградской (с 1961 года — Волгоградской) области.

** То есть 29 мая по новому стилю.

Что касается первоначальной даты рождения, то она присутствовала в справках, анкетах Маресьева вплоть до конца 1930-х годов. Это подтверждает и «Выпись из книги записи рождений за 1916 г.». В ней сказано, что Алексей Маресьев родился «тысяча девятьсот шестнадцатого года 16 мая». Выписка датирована 1924 годом, заверена печатью и тремя подписями работников Верхне-Волжского управления Рабоче-крестьянской милиции и отдела ЗАГС.

Есть еще один документ, хранящийся в личном деле Маресьева. Это свидетельство о рождении № 40, выданное 23 октября 1933 года Камышинским отделом ЗАГС. В нем значится уже совсем другая дата и говорится о том, что «Маресьев Алексей Петрович родился в 1916 году 29 числа мая месяца, о чем в книге записей гражданского состояния за 1916 год 7 числа июня месяца произведена соответствующая запись». Эту дату продублировал 4 июля 1940 года помощник начальника отдела кадров Батайской военной авиационной школы пилотов лейтенант Климентов. В справке, выданной Маресьеву, кадровик записал, что «он действительно родился в 1918 году [так в справке. — *Н. К.*] 29 мая согласно свидетельства о рождении за № 40».

Как видим, сплошные противоречия в числах. А 20 мая — золотая середина между 16 мая и 29 мая. При оформлении документов, связанных с военной службой Маресьева, эта дата и стала основной. Кто допустил ошибку? Писарь, делопроизводитель, кадровик? Сегодня, спустя почти век, можно только гадать. Не исключено, что неточность допустил сам Маресьев. С тех пор он всегда указывал именно эту срединную дату и свой день рождения отмечал 20 мая.

Несмотря на то, что местом рождения Маресьева считается хутор Веревкин, столицей его сердца до последних дней оставался Камышин — уютный город на правом берегу великой русской реки Волги.

«До сих пор я храню в памяти тихие улочки, старые деревянные дома, рыбацкие сети, костры на берегу реки, — так описывал город спустя годы Маресьев. — Все это я любил и люблю до сих пор. Даже небо, в котором я впервые увидел самолет, казалось мне особым: никогда и нигде я не видел такого неба, такой чистой и голубой лазури, как в Камышине. Как захотелось мне тогда летать и подняться ввысь на этой крылатой птице, посмотреть сверху на наш город, увидеть Волгу в ее величественной красоте, полюбоваться безбрежными приволжскими далями».

За три с лишним столетия своего существования Камышин многое повидал, пережил и выстрадал в метелях времени. Начинался город, как и большинство порубежных 8 городов, с крепости, которую основал в 1697 году государь Петр I. Крепость нарекли Петровской. Однако сам город получил название Дмитриевск в честь Святого Димитрия Солунского. Так решили присланные сюда служить стрельцы, взяв великомученика в свои небесные покровители.

С годами город получил имя Камышин по названию протекающей в здешних краях неприметной речки Камышинки. Жители стали себя величать камышанами, а главным атрибутом герба города они выбрали камыш.

Говорят, что ни город — свой нрав, что ни село — свой обычай. Издревле камышане растили хлеб, занимались рыболовным промыслом, добывали строительный камень, перерабатывали лес, изготавливали тележные колеса, мельничные жернова производили хлопчатобумажную ткань, знаменитую сарпинку, плели корзины... В годину суровых испытаний Камышин посылал защищать Отечество всех, кто был способен носить оружие.

Славился город и своими арбузами. Впрочем, слывет и по сей день, являясь арбузной столицей России. А любой камышанин поведаст приезжему человеку легенду об этом сладком фрукте-овоще-ягоде. А легенда такая. В 1722 году, когда флотилия Петра I на всех парусах следовала в Персидский поход, она сделала остановку в здешнем краю. Сойдя на берег, царь принял из рук местного воеводы угощение — арбуз. «Зело отменный плод!» — воскликнул государь и приказал отлить на монетном дворе медный арбуз и установить его на шпигеле ратуши. Так ли

это было на самом деле или всего лишь красивый миф, но между тем медный арбуз в городском краеведческом музее выставлен на всеобщее обозрение.

Когда Маресьев появился на свет, Камышин был одновременно купеческим и промышленным городом. Одних только магазинов и лавок насчитывалось свыше двухсот. Что касается промышленности, то здесь работали лесопильные, мыловаренный, чугунолитейный, кожевенный, пивной заводы, а также типографии, макаронная фабрика, паровые и ветряные мельницы. В кузницах изготавливали хозяйственный инвентарь и продавали на ярмарках. В речной порт, куда провели ветку Рязано-Уральской железной дороги, причаливали баржи и плоты с лесом, нефтью, углем, зерном... Ежегодно через порт проходило несколько миллионов тонн грузов. В быстро развивающийся город шел, ехал, плыл на заработки крестьянский люд из ближних и дальних хуторов и сел.

Из хутора Веревкин, сложив на телегу скромные пожитки, приехали в Камышин за лучшей долей и родители Алексея Маресьева. Отец, Петр Авдеевич, устроился рабочим на один из крупных лесопильных заводов города. Туда же приняли на работу и мать Екатерину Никитичну. Молодой семье выделили комнату при конторе лесовладельца купца С. П. Рогожина.

Родители жили в мире и согласии, рожали и растили детей. К моменту появления на свет Алексея в семье Маресьевых уже было два сына — Петр и Николай. Такое спокойное течение жизни продолжалось бы, наверное, дальше, но в августе 1914 года грянула Первая мировая война.

И хотя залпы ее орудий грохотали за многие сотни верст — гулкие раскаты этих залпов и рвущихся фугасов подспудно присутствовали и в Камышине, и в сердцах его жителей. В речном порту на баржи, а на железнодорожной станции в вагоны регулярно грузили провиант для действующей армии. В кузницах ковали подковы для лошадей и наконечники для казачьих пик. На кожевенном заводе денно и нощно выделывали кожи для армейских надобностей. Обыденностью стали печальные вести о погибших камышанах. А в тишине ночного города часто надрывно тянулись мехи гармоник и слышались нестройные частушки разгулявшихся новобранцев:

**Ты не трогай, немец, русских,
Ихних братьев и сестер,
Не даст русский их в обиду,
И тесак его остер...**

В один из дней ушел на империалистическую, как стали говорить потом, и Петр Авдеевич Маресьев. Воевал исправно. Екатерина Никитична, уже носившая под сердцем третьего сына, терпеливо ждала мужа. Вечерами, управившись с домашними делами, она тихо молилась перед образами, прося Бога о его возвращении. Супруг вернулся домой живой, но весь израненный, отравленный газом. А вскоре родился и третий сын. Но судьба отмерила Маресьеву старшему короткий век. Он умер в 1917 году от последствий полученных на фронте ранений. С его уходом семья сразу осиротела. Из воспоминаний матери, бабушки и старших братьев известно, что Петр Авдеевич был хороший человек, настоящий русский мужик, у которого в руках любая работа спорилась. «Отца своего я не помню, — написал в своей биографии Алексей Маресьев. — Он умер, когда мне исполнилось полгода».

Расти Алексею и его братьям пришлось без отца. Все тяготы легли на плечи матери. Екатерина Никитична впоследствии вспоминала: «Осталась я с тремя детьми. Старший Петр — 13 лет, средний Николай — 11 лет, а Алеша и вовсе 5-ти месяцев. Попросила хозяина, взял меня на работу. День вагоны грузу, ночью у хозяина работаю по домашности — прибираюсь. Квартиру нам дали, так вот за это отработывала».

Ее воспоминания дополним рассказом сына: «Мать осталась одна с тремя детьми. Когда я думаю сейчас, кому обязан я теми качествами, которые помогли мне в разных трудных жизненных обстоятельствах, я вспоминаю о своей матери. Напрасно считают некоторые, что смелость можно проявить только на войне. В самой простой жизни может быть иной раз больше мужества и стойкости, чем в какой-нибудь военной биографии. Когда я вспоминаю сейчас маму, какой она была в дни моего детства, я никогда не вижу ее подавленной, унылой, я не помню, чтобы она плакала, жаловалась. А ведь как трудно ей приходилось! Это я, как следует, понял, только много лет спустя».

И далее, не менее трогательные слова: «Я не помню ее сидящей без дела. Всегда она была чем-нибудь занята. Она работала уборщицей в конторе завода. Каждый день ей надо было истопить семь печей, наколоть, натаскать для них дров, убрать шестнадцать комнат. Мать любила чистоту, в комнатах все должно было блестеть, и она целыми днями мыла, чистила, скребла. На заводе ее очень уважали, и в каждый праздник обязательно выносили благодарности. Домашних дел у нее тоже было много. Проснешься иной раз ночью, шьет или штопает. Спросишь: “Мама, ты что

не спишь?» А она отвечает: «А я уже выпалась». Маме пришлось учиться. Покуда я был маленьким первоклассником, она проверяла мои тетрадки и помогала решать задачки. А потом ей уже было трудно разбираться в моих уроках, и она только спрашивала: «Ну как уроки, Алеша, приготовил?» И хотя я знал, что она не сумеет меня проверить, я никогда не мог сказать ей неправду».

В 1924 году, когда Алексею исполнилось 8 лет, его определили в школу № 10, которую в городе называли еще Старогородской. Она располагалась на Народной улице. Напротив школы стоял деревянный дом, в нем жила семья Маресьевых. Поэтому вполне закономерно, что Алексей пошел учиться именно в Старогородскую. В просторных и светлых классах школы бурлила жизнь. Маленький Маресьев, несмотря на перенесенную болезнь, ни в чем не хотел отставать от своих сверстников. Начиная с 1-го класса, Алексей слыл старательным учеником, особенно легко у него шла арифметика. Русский язык давался труднее. И хотя в отличниках не ходил, зато в делах общественных всегда был на первых ролях. В 1928 году его даже делегировали на первый слет пионеров Саратовской области. Такой чести удостоились лишь несколько камышинских пионеров.

Впоследствии А. И. Филатова, заслуженная учительница РСФСР, рассказывала: «Мне посчастливилось учиться в одной школе с Алексеем. Мы были друзьями. Вместе участвовали в школьных играх, спортивных соревнованиях. Алексей уже тогда выделялся общительностью, остроумием, неистощимой энергией».

В послевоенные годы Маресьев, бывая в родном Камышине, в один из своих приездов посетил и родную школу. По свидетельству одной из учительниц, Алексей Петрович занял место за партой, которую сразу узнал. А потом, погладив ее рукой как старого друга, сказал: «Помнится, за этой партой соседка списывала у меня контрольные». Все присутствующие дружно заулыбались. Наверное, тоже вспомнили свои школьные годы. Кто у кого списывал или, наоборот, не давал это делать...

Как и все волжские мальчишки, Маресьев рано выучился плавать, нырять. По его признанию, три раза тонул, но воды не испугался. И даже стал хорошим пловцом. В знойные летние дни, когда была пора каникул, Алексей мог часами не вылезать из реки. Благо Волга была рядом с его жильем. Требовалось только пройти через просторный заводской двор, пересечь дорогу, спуститься под горку — и река. Но большей частью он

преодолевал это расстояние легкой пробежкой, раздевался на ходу и прямо с разбега бросался в прохладные объятия Волги.

Одним из любимых занятий Маресьева и его друзей была рыбалка. Когда бреднем, когда удочками, когда донками они налавливали не меньше ведра стерлядок, окуньков, красноперок... А раков ловили руками, доставали их из нор. Тут же на берегу разводили костер, доставали заранее припасенные несколько картофелин, луковиц, пшено и варили уху. И не было ничего вкуснее этого настоящего рыбацкого блюда... К месту сказать, до конца своих дней Маресьев не признавал лучшей рыбы, чем в родной Волге. Когда его старший сын Виктор, бывало, приносил рыбу со столичного рынка, он, улыбаясь, говорил: «Разве это рыба, вот в Камышине!»

Река не только кормила, но давала силы и поправляла здоровье. Частенько наш герой выступал инициатором рискованных забав: подныривал под плоты, забирался в заросшие камышом глухие места. Из такого же рода небезопасных забав была еще игра, правила которой заключались в том, кто дольше продержится под водой. Сидит, к примеру, Маресьев на дне, а ребята ведут отсчет времени. Уже, казалось бы, пора и выныривать, ан нет, он характер свой показывает. И пока в висках не застучит — не высунет голову из воды. А еще Алексей любил устраивать вместе с друзьями регаты на бударках — так называли они свои плетеные суденышки. Соревновались настолько азартно, что на руках от весел оставались кровавые мозоли.

Не считали камышинские пацаны большим прегрешением совершать набеги на чужие сады и огороды. Лихо обнести чей-нибудь сад из тех, что находились в огромном количестве за лесозаводом, было для Алексея и его друзей делом привычным. Совершали они вылазки и на многочисленные бахчи, окружавшие с разных сторон город. Правда, взрослея, ребята это занятие бросали. Понимали: так делать нельзя. Но зато их эстафету принимали младшие по возрасту. И так из поколения в поколение.

Зимой главным развлечением камышинских мальчишек были лыжи и коньки. Весь этот спортивный инвентарь был самодельного или кустарного производства. Для Алексея коньки сделал кузнец, у которого мать брала стирать белье. Это были маленькие деревянные колодочки с металлическим полозом из толстой проволоки и дырками по бокам. С помощью веревочек и палочек наш герой прикреплял эти колодочки к валенкам. В них он скользил с попутным ветром по гладкому льду реки

или мчался наперегонки со сверстниками. На лыжах, тоже самодельных, Алексей любил скатываться с самых крутых берегов Волги.

«Вольное дыхание великой реки, ощущение безмерности ее простора и всюду подстерегающих волгара опасностей. Коварство перекатов, буйство штормовых ветров, неистовство гроз, черная темень осенних ночей и предательская шаткость трапов — все это приучает здесь к дерзкому панибратству со стихией, близкой и столь же враждебной, жестокой к промашкам и трусости. С духовной крылатостью Волга дарит умельство, ястребиную остроту глаза, твердость руки, от верности которой иногда зависит жизнь», — читаем в воспоминаниях писателя А. Красильникова, хорошо знавшего жизнь волжского края.

На этих широких и вольных волжских просторах постепенно складывался, словно дом по кирпичику, характер Маресьева — упорный, настойчивый, цельный. Вспоминая о своих детских годах, он как-то сказал, что только «две мамы» помогли ему победить болезни и стать летчиком: «Мама родная да матушка-Волга, в которой я плавал и закалялся».

В 1930 году Алексей успешно окончил шесть классов железнодорожной школы — именно в ней он продолжал учиться после начальной Старогородской. Теперь новым учебным заведением для него стала школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), которая была при лесозаводе. На заводе в свое время работал отец. Теперь здесь трудились мать и два его брата. Алексей, можно сказать, пошел по семейным стопам. Каждое утро под тягучий заводской гудок он вместе с другим рабочим человеком спешил на завод. В «фазанке», как называли школу, Маресьев учился на токаря по металлу и одновременно работал. По первой рабочей профессии он был масленщиком — смазывал маслом, солидолом механизмы машин и станков. Что касается токарного дела, то оно ему давалось легко, поскольку техника, всякие «железки» были его страстью.

Как-то Алексей увидел, что его старший наставник колдует над сборкой лодочного мотора. У молодого токаря тут же загорелись глаза самому смастачить подобный агрегат. Но не зря говорят: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Не один вечер юноша провел за чертежами и непосредственно за сборкой двигателя. Некоторые узлы он выточил на станке собственными руками. Наступил день, когда мотор был установлен на лодке. Конечно, движок был далек от заводского образца: громко тархтел, глех от попадания воды... И тем не менее работал, что доставляло Маресьеву огромную радость. А его товарищи не без зависти

смотрели, как Леха рассекает на своем «катере» по зеркальным гладям Волги.

Во время учебы в ФЗУ Алексея приняли в комсомол. В те годы эта политическая молодежная организация, именуемая Всесоюзным Ленинским Коммунистическим Союзом Молодежи (ВЛКСМ), играла значимую роль в **14** выполнении поставленных Коммунистической партией задач. Огромен вклад ВЛКСМ в дело индустриализации и коллективизации страны, в проведении культурной революции. Каждый комсомолец на своем рабочем месте старался как можно больше принести пользы Родине. Маресьев очень гордился званием комсомольца и всегда делом его оправдывал. За короткий промежуток времени работы на заводе он достиг наивысшего квалификационного разряда — 6-го. И это в 17 лет! Тогда же Алексей получил удостоверение моториста-дизелиста, которое давало ему право работать на речных судах.

В первых рядах наш герой был и в общественных делах. Любое комсомольское поручение он выполнял с чувством большой ответственности. Был пионервожатым, организовывал в селах района ячейки Осоавиахима (*Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству — общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927—1948 годах*), проводил различные спортивные соревнования. Даже агитировал своих земляков вступать в Международное общество помощи революционерам (МОПР) — имела и такая организация.

Спустя годы, возвращаясь в свои юношеские годы, Маресьев вспоминал: «Мне было лет четырнадцать, когда меня назначили вожатым отряда “Деревообделочник” [в отряде было 40 мальчиков и девочек. — *Н. К.*]. Тогда отряды были не в школах, а при заводах: дети рабочих одного завода объединялись в отряд. Мама знала все, что делается в моем отряде, и иной раз давала мне советы. О каком-нибудь упрямом пареньке, с которым никак не удавалось сладить, мать говорила: “Ты, верно, берешь слишком круто, а люди ведь разные на свете живут: иному нужна таска, а иному ласка. Попробуй-ка поласковой с ним...” И всегда оказывалось, что она права.

Собирался наш отряд, где придется, своей комнаты не было, и когда клуб был занят, а в завком не пускали, я выстраивал своих пионеров на улице. Осенью бывало холодно, ветер с Волги дует, дождик моросит. Ребята стоят синие от холода, но домой не просятся — дисциплина.

Однажды меня вызвал председатель завкома и говорит: “Хватит вам, Алексей, под дождиком мокнуть. Завком дает вам комнату”. Мы обрадовались и всем отрядом пришли благодарить его. И только недавно я узнал, кого по-настоящему следовало благодарить: это мама пошла в завком и сказала, что пионерам обязательно нужно дать комнату».

Интересен его рассказ и о том, как он разносил книги по избам-читальням и клубам: «Было в ту пору слово такое “книгоноша” — человек, который носил по деревням книги. Поручили это дело и мне, как пионервожатому. Собрал я компанию мальчишек, и отправились мы на лыжах в деревню Сестренки. Груз был немалый — штук по сто книжек несли мы в заплечных мешках. А по дороге начался буран, да такой, что ничего не видно вокруг. Мы сбились с пути. Но все-таки не испугались, отыскивали верную дорогу и вышли к деревне. Сдали книги в клуб и только поздним вечером вернулись по домам».

Но чем бы Маресьев тогда ни занимался, мечта стать летчиком не давала ему покоя. Всего лишь год с небольшим прошел, как он впервые увидел крылатую машину, и с того дня сердце призывно звало его летать. Юношеское воображение рисовало захватывающие картины летной жизни. Даже во сне, случалось, он парил в облаках. Небо — безбрежное, высокое, неохватное — притягивало и притягивало к себе загадочной неотступной силой. Наблюдая каждодневно за голосистыми стаями белокрылых чаек над Волгой, Алексей мысленно летел вместе с ними на большой серебристой птице.

А тут еще масла в огонь подлил призыв ЦК ВЛКСМ: «Комсомолец — на самолет!» Он прозвучал 25 января 1931 года с трибуны IX съезда комсомола, где было принято решение взять шефство над Военно-воздушными силами Красной армии. В своем обращении делегаты заверили «всех бойцов, командиров, политработников Военно-воздушного флота страны в том, что Ленинский комсомол, принимая шефство над воздушным флотом, сумеет с честью выполнить свои новые задачи, новые обязательства». Делегаты определили задачи: «Дадим стране 150 тысяч летчиков!» и «Трудовой народ, строй воздушный флот!» Профессия пилота, которой грезил Маресьев, становилась одной из самых популярных, она олицетворяла лучшие качества человека.

«Тридцатые годы были временем становления и бурного роста советской авиации, которая сделалась именно тогда любимым детищем народа, — вспоминал о той эпохе заслуженный летчик-испытатель С. А.

Микоян. — Летчиков любили, летчиками восхищались. То и дело сердца 16 миллионов почитателей авиации охватывали волнение и энтузиазм, вызванные радостными, героическими, а порой и трагическими событиями — перелетами, рекордами, авиационными праздниками, спасением челюскинцев, полетами и гибелью самолета-гиганта «Максим Горький», экспедицией на Северный полюс и, наконец, боевыми делами наших авиаторов».

Как свидетельствуют документы, отклик населения на «авиационные» призывы носил массовый характер. В течение нескольких лет в авиационные школы было принято 30 тысяч коммунистов и комсомольцев. Во всех уголках Советского Союза шел сбор средств на развитие авиации и авиационного спорта. В частности, в период с 1931 по 1936 год только самолетный парк Осоавиахима увеличился в 20 раз, было открыто 150 аэроклубов, 240 планерных станций, имелось 2 тысячи планеров, сооружено 600 парашютных вышек. Членами Общества друзей Воздушного флота было собрано за неполных три года в целом по стране 6 миллионов рублей золотом, на которые авиационная промышленность построила более 300 военных самолетов. Так росли, крепили и расправлялись крылья страны.

Маресьев решил поступать в 7-ю Сталинградскую военно-авиационную школу имени Сталинградского Краснознаменного пролетариата. Однако первая попытка оказалась неудачной.

— На что жалуетесь, юноша? — спросил врач, когда Алексей начал проходить медицинскую комиссию.

— Я здоров. Собираюсь поступать в летную школу.

Врач придирчиво провел медосмотр: послушал, постучал молоточком, заставил поприседать, померил пульс. Потом, словно следователь во время допроса, строго глядя в глаза Алексея, спросил:

— Ревматизмом, желтухой в детстве болел?

— Не помню, малость ноги болели. Судороги были, а потом прошло, — покраснев, соврал Алексей.

— Все ясно. Дорога в небо тебе, дорогой юноша, закрыта, — продолжал врач.

— Как закрыта? — с недоумением спросил Маресьев.

— Так закрыта. Представь, что будет с тобой, если в полете вдруг сведет судорогой ногу? Что ты будешь делать? А? Посему живи на земле, юноша. Здесь безопасней, — вынес окончательный вердикт врач.

К сожалению, вторая попытка стать летчиком тоже не увенчалась успехом. Причем в Камышине Алексей мед- 17 комиссию прошел, а в Сталинграде его опять забраковали по здоровью. Но цель стать летчиком не покидала парня ни на минуту, хотя в то время он поступил учиться на рабфак Саратовского сельскохозяйственного института имени М. Горького. Как-то ему попалось на глаза в газете «Правда» объявление о приеме в Московский авиационный институт. Прочитав объявление, рассудил так: если не гоюсь для военной авиации, то, может, хоть в Гражданский флот возьмут... Не откладывая дела в долгий ящик, отправил письмо в Москву. Скоро пришел ответ, ему прислали правила приема и он стал готовиться к поступлению.

В редкие, свободные от работы и комсомольских дел часы Алексей шел в библиотеку, где брал учебники по математике, физике... Засиживался там вплоть до закрытия библиотеки. Нередко, после упорных сидений за учебниками, читал книги об авиации, о русских покорителях неба С. И. Уточкине, выдающемся военном летчике штабс-капитане П. Н. Нестерове. А в свежих номерах газет и журналов находил имена героев-современников.

Вся страна тогда переживала за судьбу парохода «Челюскин», раздавленного льдами в феврале 1934 года в Беринговом проливе. Спасением экипажа и членов экспедиции занимались летчики. Первым самолетом, севшим на льдину размером 150 на 400 метров, был АНТ-4 А. В. Ляпидевского. Причем до этого он произвел 28 вылетов и только 29-й стал удачным. Отважный летчик снял со льдины 10 женщин и двоих детей. Вслед последовали полеты С. А. Леваневского, В. С. Молокова, Н. П. Каманина, М. Т. Слепнева, М. В. Водопьянова, И. В. Дорогина — первых в истории страны Героев Советского Союза, которые вывезли на материк остальных членов экспедиции.

Для Маресьева эти летчики-герои являлись образцом для подражания. Чуть позже и до конца жизни главным его кумиром станет Валерий Чкалов, слава и известность которого были сравнимы в XX веке только со славой первого космонавта Земли Юрия Гагарина. К месту сказать, Чкалов и Маресьев были очень похожи своими твердыми, прямыми характерами. Что одного, что другого отличали невероятная одержимость в достижении поставленной цели, истовая преданность летному делу и горячая любовь к Родине. И еще их сближала родственность душ, настоящих русских — открытых и щедрых.

Пример отважных летчиков-полярников вдохновлял добиваться поставленной цели. Поэтому Алексей с еще 18 большим желанием и настойчивостью стал готовиться к поступлению в институт. Но жизнь неожиданно внесла в его планы коррективы.

В начале 1934 года юношу пригласили в райком комсомола. Разговор был недолгий.

— Ты, Алексей, наверное, знаешь, что в Дальневосточном крае начато строительство города Комсомольска-на-Амуре, — сказал один из секретарей райкома. — Возводить его поручено комсомолу. Сегодня стройке требуются квалифицированные кадры, в том числе и токари. Поэтому райком решил направить тебя на эту стройку как активного и надежного комсомольца.

— Меня? — каким-то потухшим и удивленным голосом спросил Маресьев.

Алексей явно не ожидал такого поворота событий. Нет, он не испугался — не робкого десятка. Просто его план связать судьбу с авиацией рушился, будто прорванная водой плотина. Попытался было объяснить секретарю, что собрался поступать учиться в авиационный институт. Но тот и слушать ничего не хотел.

— Если не поедешь, — давил на него секретарь, — то тогда клади комсомольский билет на стол.

Дальше разговор пошел на более высоких тонах. Нервы у Алексея не выдержали. Он быстро достал из нагрудного кармана пиджака красную книжицу и с жестким прихлопом, как костяшкой в игре домино, положил ее на стол. После этого молча и быстро вышел из кабинета. Внутри у него все горело, словно в жаркой печи.

Мать сразу уловила в поведении сына перемены, когда он непривычно рано вернулся домой.

— Ленька, ты вроде говорил, что сегодня у вас комсомольское собрание. Отменили? — спросила Екатерина Никитична.

— У меня нет комсомольского билета, мама.

— Где же он? Потерял, что ли?

— Нет, мама, не потерял, я сам его отдал.

— Как так — отдал?

— Заставили в райкоме комсомола. Сказали, что я должен ехать на Дальний Восток на стройку города. Я им ответил, что собрался поступать в Московский авиационный институт. Но меня никто слушать не хотел. У

них разговор короткий: не поедешь, говорят, тогда клади комсомольский билет на стол. Я и положил.

— Не дело это, Ленька, не дело, — расстроилась Екатерина Никитична. — Иди в райком, бери свои слова обратно и признай свою ошибку...

— Да, мама, погорячился я, — согласился он.

Пристыженный матерью Алексей пошел в райком, повинился. Спустя годы Маресьев вспоминал о своем опрометчивом поступке: «Разгорячился я тогда, крепко разозлился. А у них разговор короткий: “Не поедешь? Клади на стол комсомольский билет”. Ну, я и выложил. Мать у меня идейная была — плакала, когда узнала, причитала. Но все, к счастью, обошлось. И неизвестно, как бы сложилась моя жизнь, не отправься я все-таки на Дальний Восток... Когда перед отъездом на Дальний Восток я проходил медкомиссию, ко мне подошла участковый врач Михайлова и так по-матерински сказала: “Алеша, ты, конечно, можешь не ехать. Но знай: если ты одной ногой ступишь на ту землю, все твои болезни пройдут — и малярия, и ревматизм”. Я и подумал, что раз смогу выздороветь, то и летчиком стану...» И далее: «И вот на руках у меня путевка. Мама собирает в дорогу, плачет: она переживает, что буду работать далеко-далеко от нее, в Хабаровском крае, среди чужих людей. Она беспокоится о моем здоровье, но я еду. Вместе со своими друзьями-комсомольцами из родного Камышина — еду жить и работать в город, которого пока еще нет на карте».

Вскоре колеса поезда уже мерно отстукивали по накатанным рельсам марши долгих дорог. В такт колесам слегка вздрагивали вагоны. В числе многих сотен комсомольцев-добровольцев Маресьев ехал строить город на далеком Амуре. Путь предстоял далекий, многосуточный, практически через всю страну. Сначала до Хабаровска, а оттуда — до места назначения по реке.

Решение о возведении в тамошнем краю города военно-промышленного назначения было принято руководством страны в целях защиты дальневосточных рубежей Советского Союза от внешних врагов. Это место, в районе села Пермское, выбрали исходя из географического положения, поскольку Владивосток, Хабаровск, Николаевск-на-Амуре и Благовещенск либо располагались недалеко от государственной границы, либо были уязвимы для нападения со стороны морской акватории. Новый город должен был стать оборонным центром Дальнего Востока и поставлять Родине военные самолеты и подводные лодки.

В паровозной дымке растаяли тихий и милый его сердцу Камышин, пропахший запахами сосен и древесного спирта 20 лесопильным завод, огромная серебристо-синяя скатерть Волги. Поезд, протяжно покрикивая на небольших полустанках, все дальше и дальше увозил Алексея от родных мест. Навстречу бежали широкие степи, стройные шеренги лесов, серые громады гор и округлые сопки...

После двадцати с лишним суток пути эшелон, в котором ехал Маресьев с новыми товарищами, благополучно прибыл в Хабаровск. В столице дальневосточного края добровольцам дали два дня отдыха, отвели в баню. И снова в дорогу, теперь уже по реке. Впереди нашего героя ждала романтика неизведанного...